

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Звук и сцена. - 1991 - 26 рек. (№ 52) - с. 5

ЭС

Приходя в театр в качестве зрителя, сидя в темном зале и смотря на освещенную сцену, я признаюсь, ох как нечасто могу мысленно обратиться к своему коллеге-постановщику с таким, почти кипплинговским восклицанием: «Мы с вами, господин режиссер, одной крови... Одной группы крови». Именно это чувство владело мной во время увиденного недавно спектакля «Владимир III степени», созданного Сергеем Женовачом со студентами ГИТИСа (курс Петра Фоменко) по неоконченной комедии и драматическим отрывкам Николая Васильевича Гоголя.

Что подкупает в этой работе прежде всего? Да, наверное, удивительное соответствие не только букве, но и духу великопеленной авторской полифонии. Разворачивающееся на ученических подмостках действие одновременно и умиротворительно забавно, смешно до колик, до слез; и нежно, лирично, прекрасно-печально. Именно на стыке этих эмоций и рождается, на мой взгляд, подлинное познание великого русского писателя. Та нежность, с которой молодые актеры выпевали «Степь да степь кругом...», тронула меня, пожалуй, даже больше, чем очевидность таланта режиссера, чем энтузиазм и единодушие исполнителей. (Сразу же невольно вспомнилась одна из собственных попыток постижения Гоголя — поставленный некогда в Англии «Ревизор», начинавшийся у меня с пре-

требуют законы выстраиваемого им действия, однако делает это с той необходимой долей любви к предмету своего исследования, какую убедительно символизовать не удавалось никому и никогда. А результатом становится гармоничная цельность, стройность постановки — притом, что в основе ее лежат часто никак изначально не связанные между собой сцены и наброски, к сожалению, несостоявшейся пьесы. Внятность, осмысленность режиссерской идеи порождают красоту, отчетливость форм, и отсюда возникает грациозная, если так

ни вкуса, ни умения-то нет, но уж если заплачен рубль (хотя, надо сказать, тот рубль — не чета нашему «деревянному» — будет значительно повесомее доллара), то я сумею получить на него полное удовольствие. И людей посмотрю, и себя покажу. Экзгибиционизм хама — так я бы назвал эту вакханалию заключительного лакейского бала.

Хочу сказать самые добрые слова и об исполнителях — студентах IV гитисовского курса. Прежде всего о Юрии Степанове — замечательном Собакине, о запомнившемся в роли Дворецкого Анд-

отдачей «работает» на реализацию эстетической программы своего создателя.

Сознаю, что румяные критики мои, а также скептики всех мастей могут подзрительно спросить: «Что это он расчирикался сверх всякой меры? Что же это, в спектакле нет никаких изъянов?!» Да вы знаете, не смотрел за изъянами. Смотрел заинтересованно, зачарованно, благодарно. Местами смеялся — смеялся от души, восхищаясь живыми и сгущенными человеческими коллизиями.

И еще об одном обстоятельстве мне хотелось бы в заключение упомянуть. Дело в том, что я был на спектакле в Учебном театре ГИТИСа, где примерно процентов восемьдесят зрительного зала составляли школьники восьмых-девярых классов. Мы часто все ругаем мо-

«ВЛАДИМИР...» ПРЕВОСХОДНОЙ СТЕПЕНИ

красного мужского голоса поющего а капелла «Среди долины ровныя...» Это к вопросу об «общности крови».)

Спектакль С. Женовача ценен столь редко встречающимся особенно теперь поразительным пиететом перед написанным словом гения. Свойство по нынешним временам (когда режиссеры, как представители профессии инакомыслия, стараются сплошь и рядом вытворить что-либо совершенно непредусмотренное первоисточником) поистине бесценное. Невооруженным глазом видно, что режиссер любит тот драматургический материал, который избран для работы. И это ни в коем случае не означает слепого, ханжеского благоговения — Женовач формулет текст так, как того

можно сказать, «рондообразность» первого акта с двумя апартаментами по краям сцены, с сидящими в них двумя «зеркальными» идиотами и праздношатающийся между ними, не желающий палец о палец ударить народ... Ну не весь народ, конечно, скажем, весьма существенная часть народа российского — тот гарнизон лакеев, о котором лучше всего сказано много лет назад: И пришел Хам, и наплодил детей, и имя им было легион...

А убедительно закономерное построение второй части с ее странной, почти сюрреальной атмосферой «петербургского сновидения»; с изысканным, простым и печальным решением финала — фантазмагорическим танцем холуев, у которых

ее Приходько, об энергичной, легкой на подъем и блеснувшей незаурядным даром перевоплощения Мадлене Джабраиловой. А что до некоторого недостатка опытности и мастерства, то он, несомненно, искупался для меня огромной верой в истинность тех задач, которые были поставлены режиссером. Я стал думать: пошло бы на пользу спектаклю участие в нем «настоящих» актеров? Смогли бы они столь честно и столь непреложно, зная каждый свое место — и малое, и большое, и среднее, выполнять все то, что предлагал им постановщик. Не знаю. Не уверен. Вижу только, что спектакль в данном своем виде служит несомненному повышению умения и вместе с тем с максимальной

лодых людей нынешнего школьного возраста за отсутствие интереса, за отсутствие пылливости, влюбленности в театр. Нет, оказывается, все на месте. Когда предлагается им настоящее театральное зрелище — они и ведут себя совершенно. Совсем не как в академических театрах. На «Владимире III степени» они вовсе не пытались обсуждать свои проблемы и не роняли на пол номерки. Они смотрели этот увлекательный, смешной, немного грустный и очень профессиональный спектакль. Они были хорошими, добрыми, серьезными зрителями. И хлопали после окончания — долго, от души.

Олег ТАБАКОВ.